

Анна
Евдо

ЦВЕТ
ЛЮБВИ – *МЫ*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е15

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Mila Read*

Евдо, Анна

Е15 Цвет любви — МЫ : [роман] / Анна Евдо. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (История моей любви).

ISBN 978-5-17-183023-6

Для Климата всегда всё было ясно и чётко. Чёрный и белый. Понятный серый. Остальные цвета означали сплошную выдумку, не имеющую ничего общего с реальностью. Вот только веснушки Роры на самом деле напоминали ржавые пятнышки и россыпь крохотных мандаринов, хотя сама она точно не являлась плодом воображения. Он помнил её мелкой соседской девчонкой, упорно оставляющей рисунки на его автомобиле. А она вдруг превратилась в загадочную девушку, которой удалось разбавить его сердце своими акварелями.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-183023-6

© Евдо А., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

— *С*учок разбухший! — выпалил Клим, ударив по тормозам, и крепко сжал руль.

Перед ним внезапно попытался втиснуться блестящий паркетник, который вела размалёванная моделька с раздутыми губищами.

— Заподмигивала теперь «простить-понять», *блеха!*

Клим даже не выдохнул, а выдул воздух. В горле в прямом смысле запершило от невысказанных слов. Он перегнулся к заднему сиденью и вытащил из пакета бутылку воды. Жадно отпил сразу треть, внимательно наблюдая за манёврами чуть не чиркнувшей его идиотки.

Непроизвольно подумал о Милане. Как же её не сравнивать с остальными, когда она и с виду девка красивая, и умом природа её не обделила.

Вот уж кто точно знает, на что его взять. Парень он честный, к тому же азартный. Что есть, то есть. Сама Мила самоотверженно выдержала неделю без всяких «заек» и писклявого голоска, теперь с него причитается неделя без мата и нецензурных выражений. «Хоть рот зашивай и мычи, *песец!*» — Клим невесело ухмыльнулся.

Хохотала в голос, зараза! Потому что уверена, что он не сольётся и даже наедине с самим собой сумеет сдержаться. А не сумеет, значит, признается и получит штрафное задание. Его получать как раз совсем не хотелось. Лучше рот реально скотчем заклеить. С Милы станется запросить что-нибудь мимишно-утипушное, а там он точно пас. Выбор между молчуном и соплежуйным дебилом изначально предопределён. Без вариантов. Ничего! Потерпит семь дней, вспомнит литературный запас великого и могучего. В конце концов, оправдает так недальновидно данное матерью имя.

Вообще, Клим означало «спокойный, миролюбивый». Только с его характером вышла конкретная осечка. Не Клим он. Клин. Кликуха подходила ему идеально. «Климат» тоже звучало нормально, но это обращение было только для узкого круга. Знающие люди, не входящие в этот список, не рисковали так называть Клима даже за спиной, иначе погода вокруг них сильно портилась.

Милка недаром была уверена в его честности, хотя сама периодически грешила обманом и недомолвками по мелочам. Юлить и врать Клим не умел и не хотел. Ложь всё равно вскрывалась, да и самому в ней запутаться — раз плюнуть. Враньё всегда нарастает как снежный ком, а затем смывает беспощадной лавиной. Поэтому Клим предпочитал переть напролом, напрямую, тем самым клином.

Он не спешил трогаться с места, выдерживая расстояние больше необходимого между собой и девицей со свистком в пол-лица. *Заершись!* Пусть христовая едет подальше от него. Бережёного, как говорится, Бог бережет. Тем более что автомобиль, который Клим перегонял, красавец, помеченный четырьмя кольцами,

должен был оставаться в идеальном состоянии. Деловая репутация, качество и уровень услуг стоили гораздо дороже нескольких потерянных минут и сотни нервных клеток.

Клим взлохматил непослушные тёмно-русые волосы. Глянул мельком в зеркало заднего вида. Автомобиль за ним тоже не торопился. Клим прищурил зеленоватые глаза и сдул чёлку со лба.

Пора наведаться в парикмахерскую. Давно волосы так не отрастали. Мила скоро начнёт ему во сне дурацкие гульки на темени крутить и детские резиночки с заколками нацеплять.

Машины тронулись, но парень справа от Климa тоже притормозил. Они обменялись понимающими взглядами. Деваха везде успела засветиться диагональной ездой и своими лепёхами.

Клим вспомнил, как Милана однажды нарисовала такие бровищи, что он трое суток с ней не встречался. Без обид тогда заявил, что подождёт, пока лишнее смоется. Красивая же девчонка, какого *хереса* себя специально уродовать, а из него делать слепого придурка. Мода модой, но в зеркало хотя бы иногда надо смотреть критичным взглядом. Мила подулась, раскрас притушила и больше таких бросающихся в глаза экспериментов не вытворяла.

Вообще, она нормальная. Сколько они встречаются уже? С полгода примерно, и месяц, как съехались. Он её не продавливает, но она как-то сама подстраивается под Климa. Женская натура всё же более гибкая, зато их обоих устраивает. Хотя он мог бы поклясться: Милка ждёт, что он изменится. Не действует в лоб. Если чувствует, что перебор устроила, заднюю включает или на тормозах спускает, но всё равно нет-нет да и придума-

ет что-то: то попросит, то спор смешной по-серьёзному затеет. Такой, как сейчас, например. Клим на неё не сердился. Её женская интуиция сбоев не допускала. Милана действительно его знала, да и он сам согласился. Раз дал слово, значит, сдержит. Побудет благовоспитанным молодым человеком. Милку порадует, опять же. Иногда можно потерпеть временные неудобства.

Трудности никогда не пугали Клима. С двенадцати лет он вместе со старшими парнями безвылазно торчал в гаражах, среди мопедов, мотоциклов и машин. Его это — копать в движках, ремонтировать, отлаживать. Водить, получая особенный кайф, словно каждый раз за рулём он приручает автомобиль вместе с дорогой. Они становятся спетым, сработанным трио, в котором нет соперников — только соратники.

Клим любил подбирать и искать требуемое. Иногда приходилось поохотиться, чтобы достать нужную деталь, но оно того стоило. Многое из того, чем он занимался, незаконно, порой опасно, не без этого. Зато учит такому, чему ни в одном институте не научат, и людей на раз проверяет.

Светофор переключился. «Губы» свернули, начисто забыв про поворотник, и, уже освободив полосу движения, нервным тиком врубили аварийку. Клим тронулся с выдохом облегчения, не отказав себе в удовольствии посигналить вслед самоустранившейся помехе, которая, без сомнений, приняла внимание за комплимент и послала смачный воздушный поцелуй в его сторону.

— *Пизанская ты башня*, — процедил Клим, прибавляя скорости.

Машинка-мечта послушно полетела вперёд. Если бы он не любил так давно и так преданно свой автомобиль,

забрал бы этот себе. Люксовые тачки Клима всегда перегонял сам. Расстояние и время не имели значения. Он переносил встречи и менял планы, но никогда не поручал их другим ребятам. Помимо внешней атрибутики и внутренних наворотов, в таких машинах была та самая статья, которая отличает настоящую породу. Они благородны. Без суеты и напыщенности. Им не нужно лезть из кожи вон. Они суть и ориентир сами по себе.

Клима был парнем простым. Как говорится, главное, что сытый и не босый. Но чуйка на неподдельную мощь и цельность без красования и показухи у него всегда работала как на людей и животных, так и на машины. Они вызывали бесспорное уважение. Везде и всегда.

Можно пойти выбросить мусор. Шавки сразу несутся и крутятся под ногами у контейнеров, твякают, трутся о ноги и просят подачку, а одна стоит поодаль, ровно, не шелохнётся. У самой рёбра торчат, но ни звука, ни движения. Голод её гонит и требует, но она его приструняет. Аристократка до самой мелкой шерстинки.

Таким образом Клима и взял свою Леди год назад. Без паспортов и родословной, зато умнее, воспитаннее и преданнее зверя не найти. Дворянка-бастардка, но кровь-то не водица и стержень титановый в характере с рождения заложен.

Закинул тогда пакет с мусором, руки отряхнул и медленно к ней подошёл. Она не дёрнулась, не присела, прижав уши. Вытянулась вся в струнку, и уставилась глаза в глаза, в упор. Он к ней руку протянул. Она понюхала и, до сих пор Клима готов поклясться, что совсем чуть-чуть, но склонила голову набок: мол, что дальше? Он её не задел. Показалось, неуместно и пошло будет, если потреплет между ушами. Руку опустил и сказал, глядя в умные собачьи глаза: «Пойдём домой».

Именно уважение и самоуважение Клим всегда ставил во главу угла. Без них была невозможна ни дружба, ни работа, ни общение, вообще ничего. Лизать зад он никому не собирался, как и терпеть в своём окружении тех, кого не уважал.

Немедленно вспомнился Иван. Старший товарищ и наставник Клима. Поверил в пацанёнка в своё время. Разглядел в двенадцатилетнем сопляке потенциал, как любил говорить. Год уже живёт в тёплых краях. «Надо всё же выбратся к нему на недельку», — подумал Клим. В своё время Иван казался ему, мальчишке, невероятно и недостижимо взрослым, хотя на тот момент Ивану было всего двадцать лет. Климу самому теперь двадцать четыре. Считай, уже полжизни крутится в этой сфере. Порой сам себя воспринимает старым, но случаются и вполне мальчишеские выкрутасы. Он уверен, что с Иваном они точно не будут на пляже с шезлонгов ноги в прибое мочить, а устроят взрослый разгул с пацанским размахом. Старший наставник давно с Климом на равных, но навсегда останется для него Иваном — именно полным именем, никак иначе.

Клим загнал автомобиль в гараж. На завтра уже назначено время его передачи владельцу. Весь сегодняшний вечер получался свободным. «Как раз успею на бабушкину квартиру заскочить, — пробежался по дальнейшим планам Клим, пока закрывал гараж. — Заодно родные пенаты проверить, со смотрящими мальчишками перетереть за жизнь и насущные проблемы, стоянки, опять же, очно осмотреть — давно не наведывался».

Он уже купил собственное жильё, но с бабулиной хатой в доисторической хрущёвке расстаться никак

не получалось. В ней будто бы до сих пор витал сводящий с ума и башку, и желудок запах булочек с изюмом, жжёного сахара и самодельных петушков, которые они поочередно лили вместе с бабушкой: ложкой со специально продавленным желобком по центру на расстеленную фольгу, делая кривые монетки-леденцы, и вlepляли в них зубочистки. Именно там до сих пор спалось беззаботным глубоким сном. Даже шею, заклинившую от долгого сидения за рулём, произвольно отпускало в стенах этой квартиры.

Пару лет как Клим начал её сдавать. Тщательно выбирал квартиросъёмщиков. Их сменилось немного, но перед каждым новым заездом он ночевал в той самой спальне, из которой подростком сбегал по ночам. Крепкий тополь у самого окна был надёжной лестницей со второго этажа.

Никаких нареканий на жильцов раньше не поступало, а этим утром прилетел нежданчик, *бляшки-бляжки*: звонок из обслуживающей дом конторы о том, что якобы жалоба на них поступила от соседей. Говорить возмущённые хотели только с хозяином, наотрез отказываясь идти на прямой контакт с жильцами, поэтому придётся ему ехать и разбираться на месте.

Как раз воспользуется случаем без предупреждения проверить якобы заброшенные тупики с дворовыми арками, ставшими несквозными без каких-либо официальных разрешений. Его ребята содержали их в относительном порядке, чтобы ни у жителей не возникло соблазна пожаловаться на недосмотр коммунальщиков, ни у чиновников глаз не загорелся погонять незваных активистов по инстанциям с заведомо конкретной поправкой на бюджет. Клим использовал такие закутки в старых спальнях районах для передержки машин,

оценки фронта работ, да и спрятать вот так на виду порой то, что нельзя светить, было реально.

Клим сел в свой автомобиль. По давней привычке погладил руль. Будто по холке потрепал, как ухоженно-го резвого коня. Чёрного, лоснящегося, чистого и окружённого заботой. Потому и не подводил он его ни разу.

«Пойдём вечером в кино?»

Это Клим отправил Милане, по которой действительно соскучился. Всё же всю рабочую неделю провёл в разъездах. Сделает Милке приятное, так она ночью стоворчивее будет.

«Уже выбрал?»

Ответ от неё не заставил себя долго ждать — краткий и с надеждой, что выбор будет за ней, раз Клим сам предложил.

«Выбирай любое, кроме слезливого икания»,

Клим не удержался он от уточнения, потому что всё равно загодя проверил фильмы, заявленные в афише.

Он подумал об этом без сожалений. Клим же хотелось провести приятный вечер, без напрягов. Пора расслабиться, чтобы обоим было в кайф.

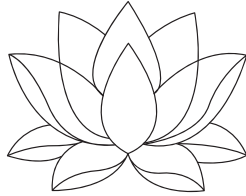
«Даже тупая комедия???»

Клим вздохнул и с мыслью: «Мил, давай без перебора», — набрал ответное:

«Любое, кроме пупсиков с одышкой и коровьими глазами».

Погасил экран телефона и выехал на дорогу.

Глава 2

Липы уже отцвели, но их запах настолько неотделимо был связан с бабушкиным домом, что Клим заранее открыл окна и вдохнул полной грудью, заезжая во двор. Заметил, как тут же спорхнул со спинки ветхой скамейки тощий мальчишка и исчез в одном из подъездов. Усмехнулся. Он сам так начинал. Жутко злился, когда бабуля загоняла его домой поесть, вынуждая покинуть доверенный ему пост. Он не глотая запихивал в себя обед или ужин, хватал пару ломтей хлеба про запас и нёсся обратно.

Клим заглушил двигатель, вышел из салона и привалился к дверце.

Многие старые дворы в городе уже переделали и модернизировали. Они обрели мусорные контейнеры на колёсах, новые лавки, детские площадки, выделенные и геометрично разлинованные парковочные зоны. А двор его детства превратился в капсулу времени.

Входные двери без подъездной группы губошлёпо распахивались прямо из стены. Дом местами подслеповато пялился на происходящее сквозь старые облупившиеся деревянные оконные рамы. Покосившаяся и казавшаяся некогда высоченной железная горка

вросла в землю и походила на согнувшуюся старуху с кривой спиной, но ясной памятью. Водители здесь воевали за место на пешеходной дорожке или прямо на вытоптанном газоне под раскидистыми деревьями, которые создавали естественную тень над большей частью территории. По их толстым раздвоенным стволам лазили кошки и дети. Жильцы самостоятельно спиливали разраставшиеся ветки, устраивали сиделки под густыми кронами за собранными из подручных досок столами и до сих пор знали друг друга в лицо и по именам.

Клима никто не ждал, но заметили сразу все. Полу-пустой двор ожил. В подвале мелькнула чья-то макушка. Заскрипели металлические пластины допотопного гаража-ракушки. С разных сторон появились четверо подростков. Они не приближались, но явно обозначали своё присутствие. Из подъезда, где скрылся малец, вышел рослый парень и направился к Климу.

— Каким судьбами, Клин?

Они пожали друг другу руки.

— Жалуются, Коль, — нейтрально проговорил Клима, вытаскивая сигарету из предложенной пачки.

Курить он не хотел. Но, во-первых, не каждый может вот так запросто угостить начальство куревом, и подобный жест для собравшихся зрителей подчеркнёт авторитет Колоса — Колосова Кольки, увальня из параллельного класса, которого Клима часто задирал в детстве, пользуясь своей прыткой худобой. Во-вторых, размытые ответы почти всегда обнаруживают то, что собеседник хотел бы скрыть. Судя по тому, как Колос сжал пачку и дёрнул подбородком, получалось, что вовремя квартиросъёмщики Клима взбрыкнули.

— Так не на что у нас тут жаловаться. — Колос не стал возвращать вопрос и не ушёл в защиту с наездом: «Кто же и на что?».

Клим всё-таки прикурил, мазнув беглым взглядом по нахмуренному лицу Кольки: учится парень не паниковать раньше времени, но до актёра ему, как Климу до танцора.

— А чего зубами заскрипел тогда?

— Клинь... — Колос сделал глубокую затяжку. — Если соседские накапали, так это у них там залётные катаются как у себя дома. Мне своих забот хватает, чтобы ещё за ними бдеть. У нас всё путём.

— Давай прогуляемся. — Клим отлепился от дверцы, демонстративно не закрывая машину на замок и не выставляя сигнализацию. — Выдыхай, Коль, я по квартире заскочил. Обойдём всё, и пойду разбираться. Не слышал, случайно, что там с верхним этажом не поделили мои жильцы, *мамы-их-наверняка-хорошие-женщины?*

— Про мам их не знаю, — растерялся Колос, сбитый с толку окончанием вопроса, и почесал затылок. — Кому могли эти ботаны помешать? Разве что формулы зубрили шибко громко с утра пораньше. Клинь, ты ж не просил за ними приглядывать. Но я буду, без базара.

— Посмотрим. — Клим передёрнул плечами, отмечая краем глаза, что один из подростков остался возле его машины, а остальные, соблюдая расстояние, двинулись следом за ним с Колосом.

С проверкой управились довольно быстро. Клим поднялся на второй этаж, осмотрел дверь бабушкиной квартиры снаружи, вслушался в царящую за ней тишину. Покрутил в кармане ключи и отправился

выше на четвёртый, гадая, кто из проживающих там столь настойчиво требовал встречи с ним.

Насколько он помнил, там жила мелкая юркая бабулька, похожая на седую кучерявую овечку-недоростка, застывшая в одном возрасте, который не поддавался определению, и её такая же носимая ветром внучка. Только девчонка была рыжей и прямоволосой. Видимо, пошла в неведомого отца, потому что её мать унаследовала блондинистую кудрявую шевелюру от своей матери.

Горе-мамашка появлялась хаотично в перерывах между мужиками, с которыми с завидным упорством пыталась устроить личную жизнь. Заваливала единственную дочь подарками, подкидывала денег. Отсыпалась несколько дней, но успевала для разнообразия соблазнить одного-двух юнцов в округе, вошедших в бурный пубертат. «Бесплатно открывала им взрослый мир, проводница *египетская*. Шма-ра», — Клим разбил последнее слово по слогам. Оно точно не относилось к запрещёнке этой недели. Затем благодетельница снова пропадала до очередного отпуска от *блуда*. Клим фыркнул, осознав, что уже не просто наобум заменяет матерки, а подбирает синонимы.

Ладная бабёнка, холёная. Глаза мутноватые. Такие обычно называют «с поволокой». Сочная, ловкая, с шустрыми пальцами, которым наверняка без заеданий подчинялись ремни и застёжки ширинок. Подкатила к нему однажды осенью на площадке между этажами, кутаясь в тонкий халат, который порнографически точно обрисовывал фигуру, явно не упакованную в нижнее бельё, и замурлыкала что-то про настройки климат-контроля. Отточенным движением забрала у него сигарету, пососала фильтр и поднесла

обратно к его рту. Клим уставился на её полные губы, от которых шестнадцатилетнего пацана нехило так вело. А потом перевёл взгляд на поплывший след от помады на сигарете — и стало противно. Ведь ей было абсолютно всё равно, с кем и где. Он почувствовал себя вещью, которую эта *мадам* вбила себе в голову заполучить любым способом. Ужасно разозлился тогда. Послал её грубо, пытаясь намеренно задеть побольнее, а потом ловил на себе её странные взгляды. По идее, она должна была хотеть прибить его за отказ, а смотрела как будто с уважением и... неприкрытой завистью. *Блондина* с глазами кошки, уже прожившей несколько жизней из отмеренных ей девяти.

Клим внезапно замер перед последним лестничным пролётом. Никогда раньше не задумывался, а тут вдруг торкнуло ни с того ни с сего: «В чём, собственно, разница между моей матерью и той соседкой-шалавой? Одна — порядочная замужняя женщина, на второй пробу ставить негде, а как матери — обе одинаковые кукушки».

Он стал постоянно жить с бабушкой с семи лет, как только пошёл в школу. Мать как раз вышла второй раз замуж. Отец Клима сразу после его рождения уехал на север за деньгой и геологической романтикой и больше не вернулся. Нашёл ли он там всё это или нет, да и жив ли вообще, было неизвестно, потому что в подробности развода родителей Клим не вникал, будучи тогда слишком мелким. Став же взрослым, решил, что отношения родителей его не касаются. Отца он не знал, алиментов или дежурных подарков на день рождения от него не получал: скинул человек семечку и исчез, будто ветром сдуло. Хотя так оно лучше, чем, как дружбан Клима Федыка